

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ ТЕРРОРИЗМА КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Аннотация: В настоящей статье рассматривается проблема выявления различных образов терроризма, которые представляют собой результаты гносеологического осмысления террористических проявлений и способствуют определению сущности данного социального явления.

Ключевые слова: терроризм, террология, образ терроризма, эпистема, симулякр.

Сегодня террористическая опасность для России остается достаточно высокой. В этих условиях становится необходимым становление и развитие междисциплинарной научной дисциплины — **террологии** в качестве социального института, предназначенного для научного осмысления сущности и содержания терроризма, выявления его причин, особенностей его возникновения и проявления, а также для организации научно обоснованной антитеррористической борьбы и минимизации последствий террористической активности.

Одной из ключевых проблем террологии является **определение сущности терроризма** как главного ее предмета исследования. Первая попытка дать определение терроризму была предпринята Лигой Наций еще в 1937 году. Однако добиться однозначного и ясного определения терроризма не удалось: «терроризм — все криминальные акты, направленные непосредственно против Государства, с целью или расчетом создать положение террора в душах обычных людей или групп людей, или общества в целом». Очевидно, что под данную дефиницию не подходит целый ряд современных манифестаций терроризма. Дальнейшие такого рода действия международного сообщества также не увенчались успехом. Подобная неясность — полагает Б. Хоффман, — поддерживается отчасти СМИ, чьи попытки передать зачастую сложную и запутанную информацию при наименьших затратах эфирного времени и печатного пространства привели к беспорядочному клеймению словом терроризм проявления насилия самого широкого спектра [1, 5].

Другое серьезное препятствие к однозначному толкованию терроризма состоит в имеющихся в его оценке «двойных стандартов». Так, в зависимости от того, кто и против кого использует насилие, терроризм обычно подразделяется политиками на полезный, направленный на противников и вредный, деструктивный, направленный против нас нашими врагами. На самом деле нет и не может быть «хорошего» или «плохого» терроризма, это лишь наши субъективные оценки, вносящие путаницу в понимание действительности. В. Устинов, бывший Генеральный прокурор РФ, полагает, что террорист одновременно для одних людей является преступником, убийцей, для других — борцом за свободу [2, 12]. Терроризм — политически нейтральный инструмент, и оценку он приобретает в зависимости от того, кто им пользуется, кто его направляет и кто оценивает.

Терроризм чрезвычайно многообразное явление, именно в этом заключаются трудности его однозначного определения. Так, по мнению А. Шмита, которое он приводит в своей книге «Политический терроризм: новый справочник по исполнителям, авторам, понятиям, базам данных, теориям и литературе» таких определений

* © Кафтан В.В.

существует более ста и эксперты из разных стран мира по данному вопросу никак не могут прийти к единой точке зрения: «поиск точного определения термина по-прежнему продолжается» [3, 5].

Терроризм сегодня для одних исследователей представляется единственным преступлением, имеющим собственное философское обоснование; для других – разновидностью социального конфликта; для третьих – методом достижения или удержания власти; для четвертых – новым видом ведения войны; для пятых – особой формой манипулятивного информационного воздействия; для шестых – деструктивным модусом бытия, порожденным современным этапом развития цивилизации и т.д.

В этом смысле представляется необходимым для взвешенного анализа сущности терроризма как социального явления рассмотреть различные *образы терроризма* и интерпретировать полученное знание с целью последующей его интеграции в рамках терминологии.

Конструирование своего образа изучаемой реальности исследователем позволяет создавать теоретические модели, увидеть и воспринять мир во всем его многообразии. Еще Платон особо подчеркивал гносеологическую значимость образов. В своем трактате «Государство» в форме диалога между Сократом и Главконом он говорит об образах как об отражении истинных идей, неуловимых и никогда до конца не проясненных тенях, которые проскальзывают в сознании у людей – «узников пещеры», но эти тени, в конце концов, приводят мыслящего человека к осознанию какого-то смысла [4, 517].

Аристотель также считал, что образы активно влияют на прояснение сущности вещей: «Мыслящее мыслит формы в образах, и в какой мере ему в образах проясняется, к чему следует стремиться и чего следует избегать, в такой мере оно приходит в движение и в отсутствие ощущения при наличии этих образов... Иногда с помощью находящихся в душе образов или мыслей ум, словно видя глазами, рассуждает и принимает решения о будущем, исходя из настоящего» [5, 438].

Понятие *образа* чрезвычайно многопланово, оно может обозначать облик, вид, подобие, изображение; живое, наглядное представление о ком или чем-нибудь; художественное отражение идей и чувств в звуке, слове, красках и т.п.; созданный художником или актером характер, тип; порядок, характеризующий свойства, склад, направление чего-нибудь [6, 433].

В разных языках понятие «образ» часто обозначается двумя (и более) словами, так например, в древнегреческом языке – *eikon* (изображение) и *phantasmata* (воображение), в немецком – *Weise* (чувственный образ) и *Gestalt* (мысленная образная конструкция), в английском языке – *image* (картинка) и *pattern* (образец, образ мышления). Это говорит о том, что идеальные познавательные образы можно подразделить на два вида: *чувственно-наглядные*, отражающие внешние, наиболее наглядные стороны изучаемой реальности и *рационально-понятийные* образы, в отвлеченной форме отражающие наиболее общие и существенные стороны, связи и отношения объекта исследования, недоступные органам чувств.

В чем состоит необходимость наличия образов в науке? Философ и культуролог М.Эпштейн полагает, что «в образе неразрывно слиты объективно-познавательное и субъективно-творческое начала <...> Однако в отличие от абстрактного понятия, образ нагляден, <...> сохраняет чувственную целостность и неповторимость» [7, 256]. Т.е. образы выступают посредниками познания, наряду с понятиями, категориями, этическими нормами и т.д.

Создание образов терроризма предполагает его *распредмечивание* – перевод из формы материального бытия, характеризующегося внешними, вещными параметрами в образно-символическую форму для его более глубокой научной интерпретации. Так, М.Столяров считает, что «образ переводит изображаемый им предмет или событие из внешнего мира во внутренний, дает нашей внутренней жизни излиться в предмет, охватить и пережить его изнутри, как часть нашей собственной души» [8, 520].

Вместе с тем практическая антитеррористическая деятельность напротив стремиться к *опредмечиванию* – переводу научных положений, полученных в научной дисциплине террологии когнитивных информационно-смысловых (мыслительных) структур, схем, проектов борьбы с терроризмом в предметный план, материализацию в практической деятельности.

Имеются несколько подходов к сущности образов. Сторонники первого из них, вслед за Г. Гельмгольцем считают, что *образы есть знаки внешних объектов*, их символическая «запись» внешних явлений, «иероглифы», а не воспроизведение их с той или другой степенью сходства [9, 235]. Другая группа философов отдает предпочтение философской позиции В.И.Ленина о субъективном *чувственном образе, который отражает наличную действительность* «существа вещей» [10, 248-249].

Ряд ученых полагают необходимым отметить *диалектическую взаимосвязь между знаково-символической стороной образа и способом отражения им действительности*. Образ имеет символическую природу и в то же время его следует рассматривать как несколько отличный от символа феномен. Так, по мнению С.С. Аверинцева символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, он есть знак, наделённый всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа [11, 155-156].

Образ является наиболее адекватным выражением целого, поскольку он сводит отдельные части к обозримому единству. Научная теория часто обращается к изучению и трактовке отдельных фактов, тем самым, утрачивая образное знание целого. Когда внимание исследователя сосредоточено на малых элементах мозаики – из поля зрения исчезает план общего. Образ построен на сходстве, порой скрытом от внешнего взора. Поэтому образ является прототипом и служит некой заменой, способной представить реально существующую вещь.

Опора на образ важна потому, что человеку не всегда очевидны критерии и признаки, по которым он может идентифицировать, найти критерии, которые ему следует использовать в поисках сходства. Образ часто строится на каком-то отдельном свойстве, черте, на отдельном факте. Отсутствующие детали и признаки появляются в образе в результате достраивания, конструирования. А это значит, что, будучи объективным по способу своего происхождения, образ является в то же время некой произвольно создаваемой системой. В условиях многозначности исследуемой реальности, которая часто меняет свои свойства, как это происходит с терроризмом в современных условиях «текущего времени» именно образ позволяет сформировать для ученых наиболее адекватное понимание сущности указанных деструктивных явлений.

Для исследования терроризма особое методологическое значение имеет разработанная М. Фуко эпистемологическая концепция. Фуко ставил перед собой цель «выяснить, исходя из чего стали возможными познания и теории, в соответствии с каким пространством порядка конституировалось знание; на основе какого исторического и в стихии какой позитивности идеи могли появиться, науки – сложиться, опыт – получить отражение в философских системах... то, что должно выявиться

в ходе изложения, это появляющиеся в пространстве знания конфигурации, обусловившие всевозможные формы эмпирического познания...» [12, 25]. Мыслитель вводит понятие *эпистемы* (франц. *episteme* – знание) – общее пространство знания, способ фиксации «бытия порядка», скрытая от непосредственного наблюдения сеть отношений между «словами» и «вещами», на основе, которой строятся свойственные той или иной эпохе коды восприятия, практики, познания, порождаются отдельные идеи и концепции, т.е. эпистема выражает образ мыслей, присущий определённой исторической эпохе.

Развивая точку зрения М. Фуко философ Е.А. Кротков предложил понятие *эпистемологического образа*, как особой модельно-знаковой формы, которая воспроизводит познаваемые вещи (объекты), в единой системе «теория-эксперимент», при этом бытие и свойства вещей не зависят от того, воспринимаются, мыслятся, измеряются ли они кем-либо или нет [13, 123-124]. По мнению историка О.Г. Дуки эпистемологический образ – смысловая единица сознания, в которой фиксируется обобщенное отражение исследуемой действительности, возникающее в результате научно-познавательной деятельности, которое в информационном отношении представляет собой необычайно емкую, многокатегориальную форму репрезентации окружающей действительности [14, 20]. В силу своей крайней абстракции они не имеют однозначного стабильного смыслового значения.

Представляется, что для определения *эволюции научных образов терроризма*, взглядов ученых на природу и характер видоизменения его проявлений в социуме, уместно выявить определенные эпистемы в его познании, сформировавшие отличные друг от друга эпистемологические образы терроризма. Какие же *эпистемы могут быть выделены в исследовании терроризма?*

Революционно-государственная эпистема рассматривает терроризм как инструмент строительства революционного общества, используемый для уничтожения класса угнетателей, создание системы государственного террора (1793-1794 гг.).

Заговорщицко-повстанческая эпистема делает упор в рассмотрении терроризма как средства прихода к власти, конспиративным образом организованного насилия против руководителей государств, политических и общественных деятелей (вторая половина – начало XX в.; 1960-1970-е гг.).

Национально-освободительная эпистема в рассмотрении терроризма означает «узнавание» терроризма как метода для организации национально-освободительного движения, создания независимых государств, устранения «врагов нации» (начало XX в.; 1940-1950-е гг.).

Государственно-репрессивная эпистема выявляет черты терроризма как государственной машины подавления, создание «государства страха» (1930-1940 гг.).

Диверсионно-партизанская эпистема делает упор на уяснении принципов применения терроризма как средства ведения войны, для нанесения разрушительных ударов по жизненноважным объектам противника (со второй половины XX в. по настоящее время).

Религиозно-этническая эпистема делает упор на терроризме как орудии «религиозной» или «этнической» войны (1980-е гг.).

Сете-центрическая эпистема выделяет черты негосударственного, хаотического состояния терроризма, его максимально децентрализованный характер (с начала 90-х гг.).

Государственно-симулятивная эпистема сегодня только начинает осмысливать терроризм как скрытый метод манипулятивного воздействия в региональном

и мировом масштабе на геополитические процессы. После теракта 11 сентября 2001 г. США, а также их союзники Великобритания, Испания и Италия предприняли ответные действия против международного терроризма в форме организации военных операций против независимых государств, по их мнению, поддерживающих террористов, – Афганистана и Ирака, что может быть представлено как акции государственного терроризма.

Еще одним важным вопросом является соответствие образа окружающей реальности, *проблема его истинности*.

Б. Д'Эспанья полагает, что истинность может быть присуща лишь реальности, независимой от сознания, мир же образов может обладать (или не обладать) ею лишь в известной степени [15, 26].

Отечественный философ П.А. Флоренский напротив утверждал, что истинность образа зависит от естественности, от приближения ученого к глубинным основам мира, его опоры на непонимание субъекта познания [16, 48-49].

У человека и общества в целом, у науки появляется множество образов реальности, сквозь которые они не могут пробиться к ней самой. Это состояние реальности философия постмодернизма описывает термином **симулякр** (от фр. *simulacres* – симуляция, псевдовещь, копия копии). Ж. Бодрийяр, исследуя проблему симулятивного влияния на общество, полагает, что современный терроризм использует *эксплуатацию образов* в реальном времени, их мгновенное распространение по всему миру. Реальность привносится в образ как примесь страха, как содрогание. Это не только ужасно, это еще и реально. Наш внутренний театр жестокости – единственное, что нам остается, – явление экстраординарное, объединяющее в себе наибольшую зрелищность и максимальный вызов [17].

Сама террористическая угроза в настоящее время является плодом симулятивных конструкций и часто приобретает театральный характер. Одним из таких симулякров ряд исследователей считает так называемый «международный терроризм». Так, по мнению исследователя терроризма Н.Б. Шулевского «Неизвестно, кто и на кого нападает, кому, как и от чего защищаться; сильные становятся уязвимыми, слабые – непобедимыми, победители боятся победы, а побежденные не печалются поражению; ученые и эксперты действуют как слепые, а незнающие действуют как одержимые мудростью» [18, 6].

Наибольший интерес для исследования представляет анализ визуальных образов террористических проявлений и особенностей формирования образа террориста в качестве врага. Визуальные образы представляют собой разновидность чувственных образов, которые наиболее часто находят область своего применения искусство. С.Н. Булгаков считал, что в «искусстве происходит иконизация вещей, т.е. их визуализация, которая коренится не в субъективно-антропоморфическом приспособлении их к немощи человеческого восприятия, но в объективном антропокосмическом основании мира, в тех его софийных первообразах, согласно которым созданный Премудростью мир и существует» [19, 64].

Примером визуализации образов в качестве повода к усилению террористической активности, созданию «мифа о террористической угрозе» может служить межкультурный конфликт между исламской и европейской культурной традицией, вспыхнувший в конце 2005 г. и охвативший практически все страны Европы и мусульманского Востока. Он получил название «карикатурной войны» и разразился после публикации датской газетой «Jyllands-Posten» 30 сентября 2005 года 12 карикатур К. Вестергаарда на пророка Мухаммеда.

Министерства иностранных дел 11 исламских государств потребовали от датского правительства извинений за публикацию. За дипломатическими протестами последовал бойкот датских товаров. Афганское движение «Талибан» предложило награду в 100 кг золота тому, кто убьёт авторов карикатур на пророка Мухаммеда. Иранская газета «Хамшахри» объявила о проведении конкурса карикатур на тему Холокоста под девизом «Где предел свободы слова на Западе?». Премьер-министр Дании А. Расмуссен разъяснил позицию властей: «Датское правительство не может извиняться за действия свободной и независимой газеты... Принцип свободы слова для нас самый важный из принципов». Между тем дьякон А. Кураев полагает, что эта акция является провокацией, испуг «оскалом мусульманского фундаментализма» [20].

О широких возможностях воздействия визуального образа на массы говорил еще В.И. Ленин. По воспоминаниям А. В. Луначарского в беседе с ним в феврале 1922 года В. И. Ленин сказал: «... Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино» [21, 579]. Визуализация образа терроризма в кино можно рассмотреть на примере растиражированного средствами массовой коммуникации короткометражного фильма «Фитна» (араб. – Смута, гражданская война) нидерландского политика Г. Вилдерса, размещённого в интернете на портале LiveLeak 27 марта 2008 года на голландском и английском языках. В фильме приводится фрагмент одной из сур Корана, затем дается иллюстрация того, как эта сура «воплощается в жизнь» исламскими государствами и организациями (теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11.09.2001, Мадриде 11.03.2004 и Лондоне 7.07.2005). Автор охарактеризовал свой фильм следующим образом: «Я не верю в умеренный ислам. Может быть, он и станет умеренным, но это произойдёт через несколько тысяч лет. А мы не можем столько ждать – на наших часах, как говорят в Голландии, уже без пяти двенадцать! Мой фильм рассказывает о том, что в Коране есть тексты, призывающие людей совершать самые страшные деяния. «Фитна» – последнее предупреждение Западу. Битва за свободу только началась».

В апреле 2008 г. на форуме Al-Ekhlaas был выложен новый видеоролик, в тексте, сопровождающем фильм, говорится, что он является «ответом на фильм “Фитна”, сделанный ненавидящим крестоносцем Вилдерсом». Видеоряд фильма составлен из документальных кадров американских бомбардировок и искалеченных трупов мирных жителей, убитых солдатами США и Израиля в Афганистане, Ираке, Вьетнаме и Палестине, а также марширующих американских солдат. Очевидно, что террористическая напряженность в мире после обмена такого рода «продуктами культуры» существенно возросла.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, образы терроризма представляют собой результаты гносеологического осмысления террористических проявлений различными научными программами, предлагающими свои концептуальные и методологические подходы к исследуемой реальности, которые не сводимы друг к другу, но в то же время, ориентируясь на принцип комплементарности, являются взаимодополняющими.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. – М.: Ультра.Культура, 2003.
2. Устинов В.В. Обвиняется терроризм. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
3. Schmid A. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories and Literature. – New Brunswick: Transaction Book, 1998.
4. Платон. Государство // Соч.: В 4-х т. – М.: Мысль, 1994. Т. 3.

5. Аристотель // Соч.: В 4-х т. – М.: Мысль, 1975. Т. 1.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990.
7. Эпштейн М.Н. Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
8. Столяров М. Образ // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина и др. – М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1.
9. Гельмгольц Г. Физиологическая оптика // Сочинения. – СПб., 1895.
10. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // ПСС. Т.18. – М. Из-во политической литературы, 1968.
11. Аверинцев С.С. Символ. София-Логос. – К.: Дух і Літера, 2001.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сad, 1994.
13. Кротков Е.А. Эпистемологические образы научной истины // Общественные науки и современность. – 1995. – № 6.
14. Дука О.Г. Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического процесса с позиций вероятностно-смыслового подхода: Автореф. дис. ...д-ра истор. наук. – Екатеринбург, 2001.
15. Мамчур Е. А. Образы науки в современной культуре. – М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2008.
16. Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Соч. в 4-х т. – М.: Мысль, 1999. Т. 3.
17. Бодрийяр Ж. Дух терроризма // inosmi.ru. – 2001. – 11 июня.
18. Шулевский Н.Б. Метафизика России и терроризм. – М.: Теис, 2004.
19. Булгаков С.Н. Икона и иконопочитание. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.
20. Диакон Андрей Кураев: «Карикатурная» война и война культур // Время новостей. – 2006. – №24. – 13 фев.
21. Примечание к «Директивам по киноделу» // Ленин В.И. ПСС. – М.: Политиздат, 1970.

V. Kaftan

Military university, Moscow

INTERPRETATION OF IMAGES OF TERRORISM AS GNOSIOLOGICAL PROBLEM

Abstract: The problem of exposure of different images of terrorism, which are results of gnosiological comprehension of terrorist displays and instrumental in determination of essence of this social phenomenon, is examined in the real article.

Key words: terrorism, terrology, image, episteme, simulacrum.